

Юноша говорил это и плакал, его худые, костлявые плечи вздрагивали, вид был жалкий до слёз.

Выслушав его печальную историю, даже гвардейцы, до того лишь зеваки, притихли.

Гу Хуайцин тихо вздохнул, достал из рукава белоснежный шёлковый платок и протянул его мальчику: «Встань, вытри лицо. Вид отвратительный! Мужчины слёз не проливают, понял?»

Юноша, всхлипывая, поднялся, взял платок и начал вытирать лицо. Платок был из превосходного шёлка, на ощупь мягкий и гладкий, безупречно белый. Закончив, паренёк с ужасом обнаружил, что платок весь в грязи, и вряд ли его теперь отстираешь.

«Ничего, оставь его себе», — мягко сказал Гу Хуайцин.

Сотрев грязь, юноша обрёл своё истинное лицо: черты его оказались довольно милыми, а глаза — особенно чистыми и ясными.

«Ты правда хочешь во дворец?» — спросил Гу Хуайцин.

Мальчик смотрел на безупречный профиль Гу Хуайцина. За свою жизнь он ещё не видел человека прекраснее. Каждое движение его было исполнено изящества и очарования, словно он был небожителем, сошедшим с небес.

В детской душе само собой родилось обожание, и он невольно кивнул: «Да, я... я хочу служить вам, господин».

Гу Хуайцин обернулся, взглянул на Дуань Минчэня и сказал: «Этого ребёнка я забираю. Что до остальных...»

Дуань Минчэнь, сразу поняв его намёк, подхватил, обращаясь к Ло Циню: «Выдай каждому из них по пять лянов серебра и отправь с провожатыми по домам».

Ло Цинь открыл было рот, в душе негодуя: «Почему братец Дуань вечно подыгрывает другим, а нас унижает?» Но он знал, что Дуань Минчэнь не любит, когда перечат, и нехотя принял приказ.

«Благодарю господина Дуаня. Я откланиваюсь!» — Гу Хуайцин сложил руки в прощальном жесте, развернулся и ушёл.

Юноша застыл, глядя ему вслед. Ему хотелось броситься вдогонку, но он не смел. Гу Хуайцин, сделав несколько шагов, обнаружил, что тот не следует за ним, обернулся и крикнул: «Чего уставился? Шагай!»

Лицо мальчика озарила радостная улыбка. Он засеменил следом, как обрадовавшийся щенок, стараясь не отставать ни на шаг.

Дуань Минчэнь смотрел, как они удаляются, и долго молчал...

Это было впервые, чтобы Гу Хуайцин поблагодарил его. И ради совершенно чужого мальчишки. Может, судьба этого ребёнка напомнила ему о его собственной и вызвала сострадание?

Дуань Минчэнь как-то пытался разузнать о происхождении Гу Хуайцина. Но даже мощная разведывательная сеть гвардии в парчовых халатах смогла найти лишь отрывочные сведения.

Некоторые важные документы оказались уничтожены, словно кто-то намеренно стёр следы. Известно было лишь, что Гу Хуайцина оскопили в детстве и он поступил на службу к Сяо Цзину, но его прошлое и корни оставались загадкой.

Гу Хуайцин был не только загадкой в плане происхождения. Вся его натура была загадкой: то он казался невинным, как дитя, не ведающее о мире, то являл себя безжалостным, как демон-асура. Кто же он на самом деле? Угадать невозможно, разглядеть — не дано...

Весенней ночью не было ни ветерка, даже листья на деревьях замерли. Лишь огромная круглая луна висела в небе, заливая всё серебристым светом.

Роскошная усадьба дома Шэнь купалась в холодном лунном сиянии. Из-за недавней кончины хозяина повсюду были развешаны белые погребальные флаги, горели белые свечи. Время от времени раздавалось карканье ворон, и атмосфера была зловещей и тяжёлой.

В гробовой тишине ночи через стену усадьбы перемахнула тёмная фигура. Высокий и стройный, в чёрной ночной одежде, он крался, подобно скрытному леопарду.

Пришелец был Дуань Минчэнем. Днём он намеренно арестовал Шэнь Юйчжу, устроив ловушку «ждать у дерева, пока заяц не придёт». Выслушав признание Цю Лянь, у него осталось множество вопросов. Казалось, каждый в доме Шэнь хранил какую-то тайну, и он решил наведаться туда под покровом ночи.

Как назло, нашёлся человек, мысливший с ним в одном направлении.

Едва Дуань Минчэнь перемахнул через стену, как услышал лёгкий шорох, а затем могучий удар ладонью обрушился на него со спины.

Дуань Минчэнь, будучи искусным бойцом, отреагировал молниеносно. Не оборачиваясь, он согнул локоть и едва успел заблокировать этот стремительный удар, затем развернулся и без промедления ответил серией атак.

Стена была высока и отбрасывала тень, скрывая лунный свет. Противники не могли разглядеть друг друга. В мгновение ока они обменялись в темноте несколькими ударами, оказавшись равными по силе, и оба внутренне изумились.

В схватке они постепенно сместились на открытое место. При свете луны Дуань Минчэнь разглядел, что на том тоже чёрная ночная одежда, а силуэт показался смутно знакомым, да и приёмы были похожи на что-то виденное ранее.

Дуань Минчэнь что-то заподозрил и слегка ослабил натиск. Противник воспользовался моментом, отскочил на два шага и потянулся правой рукой к рукаву, словно собираясь применить скрытое оружие.

Увидев это, Дуань Минчэнь взметнул ногой, ударив по стволу толстой ивы. Его внутренняя энергия была столь могучей, что ивовые листья с ветвей посыпались вниз, словно бесчисленные капли дождя, мгновенно ослепив противника.

Пользуясь мигом замешательства, Дуань Минчэнь, словно призрак, обошёл его сзади и резко схватил за руку.

Противник, застигнутый врасплох, в ужасе попытался вырваться, как вдруг у самого уха услышал низкий голос: «Хватит, это я!»

Дуань Минчэнь одной рукой держал его запястье, прижимая к стволу дерева, а другой сорвал с его лица маску, открыв лик ослепительной, сбивающей с толку красоты. Это был Гу Хуайцин!

«Дуань Минчэнь, мерзавец! Ты посмел напасть исподтишка! Немедленно отпусти!» — Гу Хуайцин не мог кричать громко, со связанной рукой он мог лишь яростно лягнуть Дуань Минчэня назад ногой.

Дуань Минчэнь отпустил его, ловко уклонившись от пинка, и сказал: «Если бы я не среагировал вовремя, и ты пустил бы в ход свой шёлк небесного шелкопряда, я бы уже отправился с докладом на Западный край! Ишь ты, в такие годы — и такой жестокий!»

«С чего бы мне знать, что это ты? Я думал, нападающий!» — огрызнулся Гу Хуайцин, потирая зажатое запястье.

«Я же тебя узнал. Как это ты меня не признал?» — спросил Дуань Минчэнь.

Гу Хуайцин просто взбесился. На свадебном пиру Вань Чжэня Дуань Минчэнь видел, как он действует, и знал его уникальное оружие. Но сам Гу Хуайцин никогда не видел боевых приёмов Дуань Минчэня, разве что ощутил его внутреннюю силу в той схватке за клинок «Вышитая весна». Как по этому он мог его узнать?

«Откуда мне было знать, что господин Дуань по ночам не спит, а крадётся, как вор, в чужие усадьбы?»

«Я крадусь? А ты сам-то что здесь делаешь?»

«К чему эти вопросы? Зачем пришёл ты, за тем же и я... М-м-м...»

Не успев договорить, Гу Хуайцин внезапно почувствовал, как Дуань Минчэнь бросается вперёд, зажимает ему рот ладонью, обхватывает за талию и стремительно увлекает за собой в угол у стены.

Гу Хуайцин, перепугавшись, инстинктивно разинул рот и вцепился зубами. Послышалось сдавленное «ах!» от боли, но Дуань Минчэнь не отпустил.

Он наклонился к самому уху Гу Хуайцина и прошептал так, что слышно было только им двоим: «Тсс! Кто-то идёт».

Гу Хуайцин сосредоточился и действительно уловил звук шагов. Тотчас же прекратил сопротивление, и оба, затаив дыхание, прижались к стене в углу, не двигаясь.

Мимо прошёл управляющий дома Шэнь с фонарём в руке. Он сделал круг вокруг той большой ивы, с которой осыпались листья, и с недоумением пробормотал про себя: «Странно... Ведь ещё не осень, отчего же листья облетели?»

Затем он поднял фонарь, осветив окрестности. Но Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин спрятались как раз в мёртвой зоне, вне поля его зрения. Не обнаружив ничего подозрительного, управляющий с фонарём удалился.

Когда тот достаточно отдалился, Гу Хуайцин облегчённо выдохнул и с удивлением осознал, что

до сих пор находится в объятиях Дуань Минчэня. Его спина плотно прижата к мощной груди Дуань Минчэня, сильные руки того обхватывают его талию, поза крайне двусмысленная. Тёплое дыхание Дуань Минчэня касалось его шеи, вызывая странное, щекочущее нервы ощущение.

Гу Хуайцин понимал, что в той экстренной ситуации Дуань Минчэнь поступил так, чтобы не выдать их присутствие, и винить его было нельзя. К тому же, они оба мужчины — ничего особенного.

Он ткнул Дуань Минчэня локтем и тихо прошептал: «Эй, ушёл уже!»

Только тогда Дуань Минчэнь будто очнулся, неохотно разжал объятия, но в душе его шевельнулось какое-то необъяснимое чувство.

<http://bllate.org/book/16283/1466695>